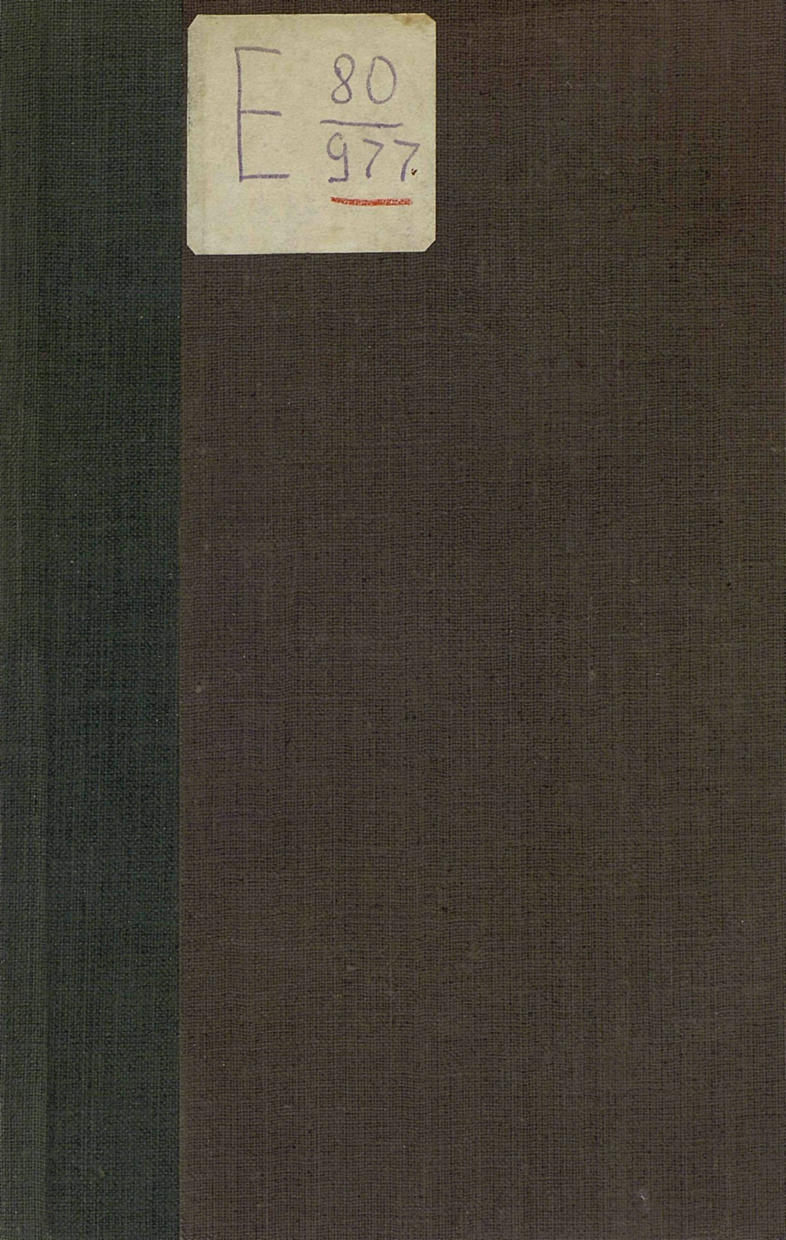

E 80
977

ГРАЖДАНИНЪ МИНИНЪ

И

КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ

ОСВОБОДИТЕЛИ МОСКВЫ И ОТЕЧЕСТВА

ВЪ 1612 ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Сергѣя Извольскаго.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Манухина.
1867.

Дозволено цензурой. Москва, 9-го Октября, 1866 года.

въ Тип. Назаровой, на Мясницкой, въ Златоустинскомъ пер., противъ Монастыря, д. Воейкова. 1331.

ГРАЖДАНИНЪ МИНИНЪ И КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ, ОСВОБОДИТЕЛИ МОСКВЫ И ОТЕЧЕСТВА ВЪ 1612 ГОДУ.

Россію и народъ Русскій возмущали и волновали Самозванцы. Первый Самозванецъ явился въ царствованіе Бориса Годунова. Простой послушникъ изъ Чудова монастыря, Григорій Отрепьевъ, убѣгъ изъ монастыря, скитался по Россіи и поселившись въ Польшѣ, вступилъ на службу къ Князю Вишневсксму; и однажды, притворясь больнымъ, попросилъ себѣ духовника для исповѣди, и вдругъ, открылся, что онъ истинный сынъ царя Іоанна Васильевича, а убитый въ Угличѣ былъ не онъ царевичь Димитрій, потому что онъ боясь мщенія

Годунова скрывался до самыхъ этихъ поръ, а теперь при концѣ своей жизни открывается въ своемъ настоящемъ званіи и проситъ похоронить его какъ настоящаго сына царя Іоанна, Димитрія. Духовникъ передалъ слава эти князю Вишневецкому, а тотъ самому Королю польскому. Король и Паны Польскіе, когда выздоровѣлъ Отрепьевъ, повѣрили ему, признали его спасшимся отъ убійства Русскимъ царевичемъ и дали ему часть войска и много денегъ, чтобы онъ шелъ въ Россію и отнялъ законный престолъ свой у похитителя Годунова. Разсчитывая на любовь Русскихъ къ своимъ законнымъ государямъ, а также и на свой умъ и хитрость, самозванецъ быстро перешелъ съ войскомъ днѣпръ и въ 1604 году вступилъ въ Россію Городъ за городомъ сдавались самозванцу, побѣда за побѣдой, открывали ему свободный путь къ Москвѣ. Борисъ Годуновъ содрогнулся на своемъ престолѣ. Онъ видѣлъ что судьба наказываетъ его за невинно убіеннаго царевича Димитрія. Въ 1605 году Борисъ Го-

дуновъ скончался и Москва присягнула сыну его Ѳеодору, кроткому и слабому юношѣ. Между тѣмъ самозванецъ дѣйствовалъ и покорялъ все по своему пути. Вскорѣ и Басмановъ искусный военачальникъ и герой многихъ побѣдъ измѣнилъ Россіи и въ Путивлѣ сдался самозванцу и торжественно призналъ его царемъ Русскимъ. Царское войско сдалось самозванцу по примѣру своихъ начальниковъ. Оно соединилось съ войскомъ Отрепьева и провозгласило его царемъ Димитріемъ. Вскорѣ за тѣмъ и знаменитая столица Москва признала самозванца законнымъ сыномъ Іоанна Грознаго. Царь Ѳеодоръ былъ изгнанъ изъ дворца кремлевскаго и убитъ, а мать его и сестра, прекрасная Ксенія были заключены въ монастырь. Получивъ ото всѣхъ присягу въ вѣрности къ себѣ, самозванецъ торжественно вошелъ въ Москву, возсѣлъ на престолѣ законныхъ царей и женился на дочери воеводы польскаго Маринѣ.

Между тѣмъ жители Московскіе видя въ стѣнахъ Москвы войска польскія и терпя

отъ нихъ поляковъ обиды и притѣсненія, стали уже роптать. А когда и бояре увидѣли свою ошибку и узнали въ новомъ царѣ бывшаго послушника Отрепьева, тогда волненіе и ропотъ москвичей стали усиливаться. Ненависть народа возросла еще больше, когда увидѣли, что новый царь презираетъ Русскіе обычаи окружаетъ себя одними ненавистными поляками. оскорбляетъ нравственность, безчеститъ знатныя фамиліи и расположенъ къ католическому закону. Тогда стали говорить про него: "нѣтъ, онъ не сынъ" царя Іоанна Васильевича, а еретикъ и самозванецъ." составился заговоръ, и толпа бояръ и народа, подъ предводительствомъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, ворвалась во дворецъ, выломала двери и умертвила бродягу, обманщика и самозванца, полякамъ, помогавшимъ самозванцу, также досталось отъ Русскихъ. Наконецъ спокойствіе въ Москвѣ было возстановлено и собравшіеся бояре избрали новымъ царемъ Россіи князя Шуйскаго. 1-го Іюня 1606 года царь Ва-

силій торжественно былъ вѣнчанъ на царство.

Въ началѣ царствованія Василія Россія вздохнула свободно. Было забыто минувшее горе. Царь позаботился оградить спокойствіемъ свое государство прежде всего, онъ послалъ посланниковъ къ королю польскому Сигизмунду возобновить мирный договоръ съ Россіей заключенный при царѣ Борисѣ. Онъ напоминалъ при этомъ королю, что король нарушилъ самъ миръ съ Россіею, но теперь, прибавлялъ царь Василій, обманщикъ лишенъ престола и жизни. Король польскій заключилъ миръ, но требовалъ задержанныхъ поляковъ, Марину съ отцемъ ея возвратить въ польшу. Все это было исполнено Василіемъ и поляки возвращавшіеся въ польшу дали присягу, что никогда не присоединятся къ врагамъ царскимъ. Едва только спокойствіе возстановилось въ Россіи, какъ вдругъ разнеслись горестныя слухи, что явился новый самозванецъ. Непріятели царя Шуйскаго, разнесли вѣсти, что убитый самоз-

ванецъ, т. е. Лже-Димитрій живъ, а вмѣсто его убили другаго. Нѣсколько тысячь козаковъ взбунтовались и бунтъ начатый княземъ Шаховскимъ вспыхнулъ въ украйнѣ. Войско бунтовщиковъ избрало своимъ начальникомъ бѣглаго слугу одного князя, по имени Ивана Болотникова. Болотниковъ съ войскомъ бунтовщиковъ пошелъ на Москву и вскорѣ овладѣлъ Коломною. Но когда племянникъ царскій Князь Скопинъ Шуйскій отогналъ бунтовщиковъ отъ Москвы, то Болотниковъ бѣжалъ съ нимъ въ Калугу, и и тамъ получилъ себѣ помощь. Козаки отыскали гдѣ то слугу одного боярина и назвали его царевичемъ Петромъ, говоря, что онъ сынъ царя Феодора. Лже Петръ съ 10,000 казаковъ соединился съ войскомъ Болотникова и побѣдилъ высланное на встрѣчу войско царское. Но черезъ нѣсколько времени судьба бунтовщиковъ была рѣшена. Полководцы Васильевы Голицынъ и Лыковъ разбили мятежниковъ на берегахъ рѣки Восми. Они кинулись на мятежниковъ въ пылъ битвы и восклицая:

нѣтъ для насъ бѣгства, одна смерть или побѣда!„ смяли непріятеля. Главные мятежники и ихъ сообщники были казнены. Только что освободилась Россія отъ этихъ мятежниковъ, какъ въ стародубѣ явился новый самозванецъ-Лже Димитрій. Это былъ такой же бродяга какъ и первый. Онъ былъ сынъ украинскаго попа по имени Матвѣй или Гавріилъ Веревкинъ. Хитрый, умный, но грубый и свирѣпый онъ собралъ вокругъ себя толпу покорныхъ и довѣрчивыхъ, и пользуясь внутренними смутами Россіи, надѣялся на свой успѣхъ. Въ Москвѣ при этомъ извѣстіи опять всѣ заволновались, только и было толку, что о новомъ самозванцѣ. Вскорѣ множество городовъ Русскихъ сдались обманщику и приняли ему присягу. Казацкій атаманъ Заруцкій и польскій панъ Мѣховѣцкій помогали самозванцу. И въ то время когда Москва праздновала свадьбу царя Василія Калуга и другіе города упорствовали и бунтовали противъ законнаго Государя. „ Не знаемъ царя говорили жители, кромѣ Димитрія! мы ждемъ

его и скоро увидимъ!„ Между тѣмъ самозванецъ усиливался; конные и пѣшія дружины съ знаменитыми вождями шли къ нему изъ Литвы. Самозванецъ осадилъ Брянскъ, потомъ вступилъ въ Орелъ и оттуда написалъ грамоту, которая начиналась словами: мы Димитрій Іоановичь царь всея Россіи... Ужасъ распространялся по Москвѣ, бояре страшась успѣховъ самозванца готовились къ измѣнѣ несчастному царю Василію. Наконецъ 1 Іюня 1608 года самозванецъ съ Ляхами и Русскими признавшими его царемъ, очутился въ 12 верстахъ отъ Москвы въ селѣ Тушинѣ. При самозванцѣ находились Гетманы польскіе Рожинскій и Сапега Царь Василій и бояре рѣшились отстоять Москву, но только обороняясь, но не наступая на мятежниковъ, они дали случай укрѣпиться самозванцу въ тушинскомъ станѣ. Начались стычки между войсками царскими и самозванцемъ и Ляхами. Происходили сраженія кровопролитныя между Ходынской прѣсней и окрестными селами. Между тѣмъ Марина и отецъ

ея Мнишекъ, нарушая свою клятву, также прибыли въ Тушино къ новому самозванцу, и безстыдная Марина, повинуясь одному честолюбію, обвѣнчалась съ бродягою Тушинскимъ воромъ. Россія была заражена предательствомъ и измѣною. Царь Василій по горькому опыту сталъ недовѣрчивъ. Онъ не зналъ что начать. Онъ писалъ къ королю Датскому и Англійскому объ измѣнѣ короля Польскаго, снова допустившаго поляковъ волновать Россію, но не получалъ отъ этихъ Государей ни помощи, ни отвѣта. Оказывая еще свою благородную неустрашимость, Василій собралъ войско и спрашивалъ кто хочетъ стоять съ нимъ за царство? даю вамъ волю, говорилъ царь, идите, куда хотите! Войско цѣловало Евангеліе и крестъ и клялось умереть за царя. Но тѣ, которые еще недавно клялись служить Василію, въ слѣдующіе дни толпами бѣжали въ тушино къ самозванцу.

Все ослабѣвало, было смятеніе мыслей и чувствъ въ народѣ, а гнусныя измѣны и развратъ въ Москвѣ усиливались, перелетъ

изъ Москвы въ тушино, сдѣлался забавою и шуткою. Получивъ жалованье царское, многіе ѣхали въ тушино и тамъ спрашивали себѣ жалованья отъ самозванца. Все колебалось въ Москвѣ; но столица окруженная твердынями еще не сдавалась. Въ это же время шла знаменитая осада Сергіевой Лавры, гдѣ защищалась горесть храбрыхъ. Она прельщала поляковъ, ляховъ и ихъ вождя Сапѣгу своими богатствами. Дѣти боярскіе вѣрные козаки, стрѣльцы и усердные иноки защищали ее. Войско Сапѣги окружало стѣны лавры. Лавра наполнилась биткомъ русскими, искавшими въ ней убѣжища; добрые иноки не думая о тѣснотѣ говорили: св. Сергій не отвергаетъ несчастныхъ. Воеводы, Архимандритъ Іоасафъ и старцы разставляли пушки, назначали, кому сражаться на стѣнахъ монастырскихъ или въ вылазкахъ и цѣловали крестъ надъ гробомъ св. Сергія, чтобы сидѣть въ осадѣ безъ измѣны. Они всѣ готовы были пить чашу смертную за отечество. Напрасно требовали, чтобы защитники лавры

сдавались. Въ церквахъ пѣли молебны, а монахи и воины отвѣчали осаждающимъ: «Упованіе наше св. Троица, стѣна и щитъ Богоматерь, св. Сергій и Никонъ сподвижники: нестрашимся!„ Въ теченіе 6 недѣль непріятель палилъ изъ 63 пушекъ громя стѣны; ограда и башни тряслися отъ выстрѣловъ, сыпались кирпичи, летѣли ядры; приступы возобновлялись часто, но защитники отбивались и черезъ нѣсколько времени повторяли свои храбрые вылазки, въ которыхъ сильно вредили непріятелямъ. Битвы продолжались. Однажды въ глубокую ночь воеводы и войско съ монахамивъ темнотѣ вышли изъ крѣпости, ударили въ осадный колоколъ и кинулись на непріятеля съ трехъ сторонъ, восклицая имя св. Сергія. Битва, начавшая съ ранняго утра продолжалась до темнаго вечера. Иноки сражались вездѣ впереди; побѣда осталась за защитниками лавры. Объ этомъ счастливомъ подвигѣ извѣстили Москву которая праздновала побѣду вмѣстѣ съ Лаврою. Настала зима. Осажденныя герои лавры нуждались

въ дровахъ а вскорѣ оказалась и нужда въ водѣ. Злодѣи хотѣли спустить главный внѣшній прудъ, но заговоръ былъ открытъ, во время вылазки герои уничтожили непріятельскія работы и отворивъ подземныя трубы наполнили внутренніе пруды водою. Не обошлось и безъ измѣны, но непріятель изнуренный напрасною осадою и холодомъ, отступилъ отъ стѣнъ въ земляныя укрѣпленія. Лавра отдохнула. Но тѣснота и недостатки во многихъ потребностяхъ произвели въ стѣнахъ Лавры заразителую болѣзнь. Умирало въ день отъ 20 до 50 человѣкъ, не успѣвали копать могилъ; стонъ и плачь не умолкали. Въ такой крайности Архимандритъ писалъ къ Келарю Лавры Авраамію Палицыну бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ царя спасти лавру присылкою помощи; но столица сама трепетала ожидая приступа самозванца. Но небольшой отрядъ, присланный въ лавру, скоро утѣшилъ осажденныхъ а цѣлебное вліяніе теплаго воздуха наставшей весны прекратило болѣзни. 27 Мая, снова зашу-

мѣлъ лагерь непріятельскій. Лавра приготовилась къ новой защитѣ. Не только монахи съ оружіемъ, но и женщины вышли на стѣны съ камнями, огнемъ, смолою, известью и сѣрою. Настоятель и Іеромонахи въ полномъ облаченіи молились. Въ глубокомъ мракѣ и тишинѣ ночи, послышался шорохъ непріятелей. Ляхи ползли къ оградѣ съ стѣнобитными орудіями, щитами и лѣстницами; съ красной горы грянулъ громъ пушекъ; непріятель кинулся къ оградѣ и влѣзалъ на стѣны. Готовые къ смерти, защитники Лавры, стрѣляли, кололи изъ отверзстій, бросали камни, смолу и сѣру; наконецъ непріятель началъ отступать а побѣдители, сдѣлавъ вылазку гнали долго и били непріятелей и возвратились славить Господа въ храмѣ Троицы. Этой побѣдой рѣшилась судьба осады. Между тѣмъ какъ осажденная Москва была въ недоумѣніи, городъ за городомъ сдавались самозванцу. Россія находилась въ ужасномъ состояніи. Ее терзали не только иноплеменники, но и свои. Злодѣйства и развратъ распространи-

лись по всей Россіи. Гибли отечество и и церковь. Убійства и грабежъ царствовали въ городахъ селеніяхъ и лѣсахъ. Но и лѣса не спасали. Ночи озарялись пожарами. Россія хотѣла сдѣлаться пустынею. Но много было и людей добродѣтельныхъ. Съ честію умирали и воины и граждане и старцы и прекрасныя жены Добродѣтельные подвижники митрополиты Гермогенъ и Филаретъ, Авраамій Палицынъ Келарь Лавры и Архимандритъ Діонисій, отстаивали отечество и православіе, защищали его и краснорѣчіемъ своимъ и подвигами убѣждали Россіянъ, молиться, соединяться на защиту любезнаго отечества и стоять за него до послѣдней капли крови. Но время спасенія еще не приходило для Россіи, Самозванецъ стоялъ и укрѣплялся въ тушинѣ внутреннія безпорядки, измѣна и охлажденіе къ царю несчастному не прекращались. Ко всѣмъ несчастіямъ, наконецъ и Польша объявила войну Россіи. "Богатая Россія будетъ наша!» говорилъ король и поляки. Сигизмундъ собиралъ вой-

ско и вскорѣ подступилъ къ Смоленску. Крайность Россіи была ужасная. Границы ея были открыты; сообщенія прерваны, войска разсѣяны, города и села либо въ пеплѣ, либо въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ, правительство въ безсиліи, царь въ осадѣ и середи измѣны. Но перемѣны ожидали Россію. Этѣ перемѣны были къ лучшему. Первая побѣда недъ непріятелемъ была одержана подъ коломною княземъ Прозоровскимъ и Сукинымъ; вторую славную побѣду одержалъ князь Димитрій Пожарскій, будущій герой и освободитель отечества. Князь Пожарскій былъ военачальникъ прежде сего неизвѣстный, по при селѣ Высоцкомъ онъ выказалъ свою смѣлость и мужество: онъ одержалъ блистательную побѣду. Вслѣдъ за этимъ отличились и Нижегородцы. Этотъ добрый примѣръ воспламенилъ добродѣтельную ревность и въ другихъ низовыхъ городахъ. За ними возбужденная грамотою царя Василія возстала и сѣверная Россія. Всѣ свергали съ себя присягу самозванцу. Ляхи, нападавшіе на

вѣрные царю города, и безчеловѣчно поступавшіе съ жителями, только больше воодушевляли Русскихъ къ отмщенію и усиливали злобу къ непрошеннымъ гостямъ изъ польши. Василій уже писалъ благодарственныя грамоты къ вѣрнымъ ему городамъ; но въ Москвѣ начинались крамолы и измѣна. Когда то усердные къ боярину Шуйскому, Москвитяне уже не любили его какъ Вѣнценосца, приписывая неудачу государства, его неразумію и несчастію. Конечно это обвиненіе было несправедливое, но Москвитяне боясь лести ляховъ и самозванца больше нежели царя и закона, желали перемѣны. Заговорщики 17 Февраля сдѣлали тревогу, вломились въ Кремль, и окружили царя. Но въ часъ опасности Василій былъ неустрашимъ. Онъ смѣло вышелъ къ бунтовщикамъ и сказалъ имъ твердымъ голосомъ: "чего хотите? если убить меня, то я не боюсь смерти, но свергнуть меня съ царства не можете безъ Думы Земской. Судъ бояръ и чиновъ пусть рѣшать судьбу мою и отечества!"

Заговорщики бѣжали и Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго. Но измѣнники не бросали своего гнуснаго намѣренія: они перебѣжали въ тушино. Скоро въ столицѣ началось другое несчастіе; наступилъ жестокій голодъ. Народъ впалъ въ отчаяніе и толпами вошли въ Кремль и кричали передъ дворцемъ: „ долголи намъ сидѣть въ осадѣ и ждать голодной смерти? “Василій увѣщевалъ народъ и приказалъ отворить житницы троицкой Левры. Народъ успокоился, а вскорѣ радость укрѣпила его. Стали приходить благопріятныя извѣстія Шведскій. король прислалъ на помощь Россіи войска свои, а юный князь Михаилъ Шуйскій герой многихъ славныхъ битвъ одержалъ блистательныя побѣды надъ польскими войсками и войсками Самозванца. Побѣда царскаго войска воодушевила Россію на подвиги. Но самозванецъ не переставалъ тревожить Москву а вскорѣ и онять Московскій народъ взбунтовался и бѣжалъ въ Кремль съ криками: хлѣба! хлѣба! Но уменьшенная плата за хлѣбъ и новыя вѣсти

о побѣдахъ Михаила Шуйскаго успокоили на время Москву. Сапѣга былъ разбитъ Шведами и Русскими. Но успѣхи Михаила ослабили любовь къ Василію; составилось опять въ родѣ заговора, и многіе предлагали вѣнецъ царскій герою побѣдъ. Все это могло тревожить Василія и волновать народъ. Въ это время князь Пожарскій одержалъ новую побѣду. Но Россія неуспѣвала отдохнуть и успокоиться, какъ начиналось новое несчастіе. Сигизмундъ Король польскій вступилъ въ Россію съ поляками. Разнеслись слухи, что Король вступилъ въ Россію съ оружіемъ, для ея же мира и благоденствія, хочетъ истребить Самозванца низвергнуть тирана Шуйскаго и освободить народъ Русскій. Самозванецъ бѣжалъ изъ Тушина и сталъ злодѣйствовать въ Калугѣ. Обнаружились новыя измѣнники въ Россіи. Они начали переговоры съ Королемъ Польскимъ и просили у него въ Цари Русскіе сына его Владислава. Измѣнники дошли до того что признали Владислава Царемъ и клялись ему въ вѣрности. Между тѣмъ знаменитыя

побѣды Князя Михаила Шуйскаго продолжались; освободивъ Лавру, разсѣявъ вездѣ непріятелей Михаилъ торжественно съ Русскими и помощниками шведами вступилъ въ Москву. Народъ и царь встрѣтили съ радостію героя. Михаилъ среди веселыхъ пировъ столицы обѣщался докончить начатое: хотѣлъ изгнать изъ Россіи Самозванца и Сигизмунда, но судьба не судила ему совершить знаменитое намѣреніе. Онъ неожиданно скончался. Москва была въ ужасѣ и кричала объ измѣнѣ и отравленіи. Горесть народная была искренняя. Князь Димитрій Шуйскій былъ назначенъ военачальникомъ. Черезъ нѣсколько времени бунтъ Ляпунова встревожилъ Москву, а поляки и Самозванецъ новыми успѣхами снова взволновали Россію. Многіе снова присягнули обманщику; но Князь Пожарскій снова явился вѣрнымъ законному Государю и отстоялъ Зарайскъ: Между тѣмъ ропотъ народный усиливался. «Не хотимъ Царя Василія, кричали бунтовщики, и вскорѣ Царь Василій былъ принужденъ уступить

насилію. Онъ былъ лишенъ престола и вмѣстѣ съ своею супругою ждалъ горькой участи, зная что этотъ шагъ велъ его къ могилѣ. Въ столицѣ было смятеніе. Напрасно Патріархъ Гермогенъ заклиналъ народъ снова возвести Василія на царство; всѣми оставленный, Царь Василій сидѣлъ подъ стражею, вскорѣ съ своею супругою постриженъ насильно въ монахи. Москва осталась безъ Царя и устройства. Тогда Совѣтъ бояръ торжественно объявилъ Владислава польскаго Королевича Царемъ Россіи. Всѣхъ заставляли присягать ему а Сигизмундъ писалъ Гетману занять Москву его Королевскимъ именемъ. Наконецъ Поляки однажды ночью были впущены въ Москву и жители на другой день увидѣли себя какъ бы плѣнниками между ними. Боярская Дума выдала полякамъ бывшаго Царя своего, несчастнаго Василія. Между тѣмъ народъ нетерпѣливо ждалъ Владислава и не хотѣлъ болѣе терпѣть своеволія Гетмана и поляковъ. Самозванецъ былъ убитъ Ногайскимъ Княземъ Арасланомъ и гото-

вился новый обманъ. Марина родила сына котораго назвали Царевичемъ Іоанномъ. Но обманъ этотъ не удался. Явились начальники народнаю возстанія, начались открытыя ссоры Русскихъ съ Поляками, наконецъ кровопролитіе между Ляхами и Русскими запылало въ столицѣ, загремѣлъ набатъ, вспыхнулъ пожаръ; пламень и бой стоны и крики, все смѣшалось.... И здѣсь храбрый Князь Пожарскій явился героемъ. Онъ твердо стоялъ въ облакахъ дыма между Стрѣтенкою и Мясницкою въ укрѣпленіи; онъ бился съ Ляхами и не берегъ себя отъ пуль и мечей, наконецъ изнемогъ отъ ранъ и упалъ на землю. Вѣрные сподвижники спасли будущаго спасителя Россіи и отвезли его въ Лавру. Москва горѣла двое сутокъ. Побѣдители Ляхи ликовали и неистовствовали въ столицѣ; они грабили казну царскую, сдирали съ иконъ оклады, рядились въ бархатъ и штофы, пили изъ бочекъ дорогое вино, распутствовали, и пьяные рѣзали другъ друга. Вѣсть, что Москва сожжена и разграблена, распро-

странила ужасъ и сдѣлала народное движеніе. Иноки Лавры писали къ боярамъ и народу грамоты, увѣщевали взяться снова за оружіе и изгнать измѣнниковъ и Ляховъ. Наконецъ Поляки были осаждены; начались битвы, въ которыхъ особенно отличался Ляпуновъ. Между тѣлъ Сигизмундъ добивался взять Смоленскъ и осаждалъ его; наконецъ этотъ городъ былъ взятъ, а Король Польскій въ письмахъ къ боярамъ хвалился своею милостію къ Россіи. Онъ восхищался блестящимъ таржествомъ своимъ надъ Россіей и возвратясь въ Варшаву надменно принялъ плѣннаго Царя Русскаго Василія и Князей Шуйскихъ. Король гордился передъ своими Поляками своими успѣхами и униженіемъ плѣнниковъ. Насытившись униженіемъ несчастнаго Царя, Король заключилъ плѣнника въ замокъ близъ Варшавы, гдѣ Василій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ окончилъ бѣдственную жизнь свою. (1612. года.) Тамъ же въ Варшавѣ томились въ неволѣ Митрополитъ Филаретъ и многіе вельможи Русскіе Ме-

жду тѣмъ въ Россіи продолжались тѣ же буйства, ужасъ и безначаліе. Атаманъ Заруцкій соединился съ Мариною и собирался возвести на престолъ смятенной Россіи Лжедимитріева сына, чтобы подъ этимъ предлогомъ властвовать самому надъ государствомъ. Приказывая и дозволяя козакамъ своимъ опустошать селенія, и грабить жителей, Заруцкій самъ наслаждался жизнію, бражничалъ и роскошничалъ добиваясь достать себѣ Царство. Въ то время Ляпуновъ захотѣлъ обличить Заруцкаго въ его намѣреніяхъ и собралъ Думу, чтобы привести въ порядокъ разстроенныя дѣла Государства. Онъ думалъ и о избраніи Царя, но гдѣ было искать его? Владиславъ не пріѣзжалъ изъ Польши, а противъ мысли избрать Царемъ опять Русскаго, многіе возстали. Новгородцы даже уже признали Царемъ Россійскимъ сына Шведскаго короля и шведы уже взяли Новгородъ, но въ это время, безначаліе и буйство въ Россіи дошли до послѣднихъ предѣловъ. Станъ Московскій былъ сборищемъ буйныхъ и

мятежныхъ людей. Заруцкій скрежеталъ на Ляпунова, и самъ Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами враговъ. Наконецъ и онъ былъ убитъ къ ужасу Россіи. Теперь, казалось, Россія уже не имѣла защитниковъ; Заруцкій радовался, козаки злодѣйствовали, а черезъ немного времени Сапѣга съ Поляками вошелъ въ Московскій Кремль. Русскіе, не имѣя ни стройнаго войска, ни порядка воинскаго, ни опытныхъ начальниковъ сопротивлялись очень слабо. Поляки казалось, выбирали теперь удобныя минуты, чтобы въ расплохъ, во время безначалія и бунтовъ, захватить Россію въ свои руки. Казалось теперь Россія погибала не осиливши многочисленныхъ враговъ своихъ. Ляхи, самозванцы и Шведы, казалось наперерывъ другъ передъ другомъ рѣшились терзать Государство Русское и спорить другъ съ другомъ за ея обладаніе. Россія была въ страшной опасности. Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамій писали изъ троицкой Лавры грамоты Русскимъ убѣждая ихъ отстаивать Москву и спасать оте-

чество. "Люди Русскіе, христіане православные! писали они, Бога ради, положите подвигъ своего страданія, молитесь и соединяйтесь! Знайте, что ко всякому дѣлу должно быть одно время; а безвременное начало напрасно и бездѣльно бываетъ всякому дѣлу. Забудемъ всякое неудовольствіе, отложимъ его, и пострадаемъ для одного спасенія отечества! Смилуйтесь надъ видимою смертною гибелью отечества, чтобы смерть лютая не постигла и васъ! Вы сами видите близкую погибель всѣхъ Христіанъ. Чѣмъ не завладѣли враги и чего не раззорили? Гдѣ наши святыя Церкви? Гдѣ Божіи образа? Гдѣ иноки и инокини, украшенныя добродѣтелью? Не все ли до конца раззорено и поругано? Гдъ нашъ народъ христіанскій? Не всѣ ли скончались горькою смертію? Гдѣ это безчисленное населеніе въ городахъ и селахъ? Не всѣ ли пострадали безъ милости и разведены въ плѣнъ? Враги не пощадили ни престарѣлыхъ, ни младенцевъ сосавшихъ молоко—всѣ мы испытали, чашу гнѣва Божія!„ Вѣрные и любящіе

сыны Россіи, слушали этѣ молитвенныя воззванія къ новой жизни, слова ихъ звучали имъ упрекомъ, воодушевляли на мужество, на борьбу до послѣдняго вздоха, но эти сыны Россіи были такъ слабы, такъ малочисленны, что не могли съ успѣхомъ двинуться на защиту роднаго отечества. По крайнѣй мѣрѣ, это такъ казалось имъ самимъ, любившимъ душею Россію! Въ эти самыя трудныя и рѣшительныя минуты, когда все казалось погибшимъ—провидѣніе послало Россіи помощь съ такой стороны, съ какой ее не ожидали! Избавитель Россіи явился! Этотъ избранный отъ всей земли Русской человѣкъ былъ просто торговецъ мясникъ, жившій и торговавшій въ Нижнемъ Новгородѣ. Его звали Козьма Миничь, по прозванью Сухорукой. Мининъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ; но этотъ человѣкъ захотѣлъ разрушилъ то, что десять лѣтъ устроивали Іезуиты, Польша, воры и измѣнники, захотѣлъ возстановить Русское Царство, вырвать Москву изъ рукъ враговъ, свергнуть Польское порабощеніе и

вмѣшательство и избрать Царя своему Отечеству! На это доброе и смѣлое дѣло откликнулся прежде всѣхъ и сильнѣе всѣхъ Нижній Новгородъ—отчизна Минина. Видя пламенное желаніе и твердое, желѣзное намѣреніе Минина освободить Россію отъ чужеземныхъ гостей, которые распоряжались отечествомъ какъ враги — Нижегородцы сами воспылали ревностію помочь этому доброму дѣлу немедленно, скорѣе. Какъ бурное море, зашумѣли и заволновались толпы народа, и въ одинъ день, навсегда знаменитый въ Россіи, народъ Нижегородскій густыми рядами спѣшилъ на городскую площадь, къ Лобному мѣсту. Вокругъ этого мѣста вскорѣ толпились и тѣснились люди всякаго званія. Тутъ были и знаменитые Бояре, и простолюдины, и именитые Граждане и люди и ратные. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали чего—то необыкновеннаго—важнаго! Но вдругъ народъ зашумѣлъ и заволновался еще болѣе, когда вдали показался видный собою и осанистый человѣкъ среднихъ лѣтъ. Весь народъ

обратился въ ту сторону откуда шелъ этотъ человѣкъ. Это былъ Козьма Мининъ—Гражданинъ Нижегородскій. Толпы съ уваженіемъ разступались передъ нимъ и давали ему дорогу. Мининъ взошелъ на Лобное мѣсто, оборотился къ Соборнымъ храмамъ, три раза набожно перекрестился и низко поклонился, по обычаю Русскому, на всѣ стороны. На всей огромной площади, переполненной народомъ, воцарилось глубокое торжественное молчаніе. "Граждане Нижегородскіе!„ сказалъ Мининъ обращаясь къ народу;—вы знаете, что отечество погибаетъ; злодѣи наши торжествуютъ, сыны Россіи страждутъ! Царя мы болѣе не имѣемъ, онъ сверженъ съ престола и томится въ оковахъ въ чужой землѣ; клятвопреступный Король Польскій Сигизмундъ, врагъ нашъ, предлагаетъ намъ сына своего на Царство; уже престольнымъ градомъ нашимъ — столицей Москвою, обладаютъ Поляки, великій Новгородъ въ рукахъ Шведовъ; святыня поругана, храмы разграблены; первосвященникъ Церкви на-

шей замученъ голодомъ; свои измѣнники своевольничаютъ, и наглость непріятелей выходитъ изъ границъ!... Скоро, скоро затмится слава предковъ нашихъ, и имя Россіи изчезнетъ изъ памяти народовъ! ... И мы будемъ смотрѣть на это равнодушно, и мы переживемъ несчастія нашего Отечества, не отомсвитъ за стонъ и слезы, за поруганіе и кровь своихъ собратій? Нѣтъ! не попустимъ болѣе кичливымъ врагамъ превозноситься передъ нами гнусными злодѣйствами! Время намъ разорвать узы ихъ и сбросить ненавистное иго! Друзья! поспѣшимъ! Поспѣшимъ на избавленіе Царствующаго Града соединимся всѣ въ ратное ополченіе, изберемъ искуснаго и опытнаго Вождя, и будемъ молить всеблагое провидѣніе, послать успѣхъ предпріятію нашему! И если должно будетъ оказать пособіе ополченію, доставить имъ оружіе, и продовольствіе, если для этихъ потребностей и другихъ нуждъ военныхъ должно будетъ пожертвовать каждомъ изъ насъ частію своего имущества, то не пощадимъ ничего; все при-

несемъ Отечеству! Продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей, только бы спасти погибающее отечество и отмстить лютымъ врагамъ за пролитую кровь нашихъ родныхъ, друзей и ближнихъ! Богъ благословитъ наше предпріятіе!„ Слова Минина были любы и пріятны народу. Онѣ воодушевили гражданъ и тронули умы и сердца ихъ. Въ народѣ начался шумный говоръ, но когда召 Мининъ захотѣлъ продолжать, народъ снова замолкъ, и на всей площади сдѣлалось тихо какъ ночью. "Сыщемъ себѣ доблестнаго человѣка, продолжалъ Мининъ, обращаясь къ народу, закабалимъ ему себя головами, пусть онъ ведетъ насъ положить головы за вѣру православную! Зачѣмъ думать о побѣдѣ? Прежде всего станемъ мы, станемъ съ благословеніемъ Божіимъ, и будетъ у насъ все, и люди, и деньги!—Вотъ все, что имѣю я!— прибавилъ Мининъ, и при этихъ словахъ бросилъ на Лобное мѣсто мѣшокъ съ деньгами. "Граждане нижегородскіе! воскликнулъ снова Мининъ, съ этого часа я и

всѣ мы должны принадлежать Земскому дѣлу и всей землѣ Русской!„

На эти слова Минина тысячи голосовъ закричали въ одинъ голосъ: «Все, все, отдадимъ мы! Всѣ умремъ за вѣру православную, за Царство Русское!»

Мининъ предложилъ народу избрать прежде всего вождя ополченію и указалъ на Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. Народъ и граждане были согласны теперь на все. Они все одушевились на защиту любезнаго отечества! Составился приговоръ, гдѣ между прочимъ было сказано: «быть ему Козьмѣ во всемъ послушнымъ и покорнымъ, и если потребно будетъ, взять насъ всѣхъ, продать нашихъ женъ и дѣтей!» Этотъ торжественный приговоръ былъ подписанъ всѣми знаменитыми боярами и гражданами и всѣ приняли присягу исполнить его. Мининъ былъ названъ избраннымъ человѣкомъ отъ всей земли Русской. Со всѣхъ сторонъ, изъ богатыхъ хоромъ и бѣдныхъ хижинъ, несли къ Минину деньги и имѣніе! Воодушевивъ народъ,

Мининъ поспѣшилъ отправиться къ Князю Пожарскому. Князь жилъ тогда въ своей родовой деревнѣ, которая называлась Нижній Ландехъ.

Князь уже не разъ отличался въ битвахъ и теперь въ своей деревнѣ лежалъ больной и лѣчился отъ ранъ, полученныхъ въ битвахъ съ непріятелемъ! Въ послѣднее время Князь Пожарскій вмѣстѣ съ другими Воеводами, сражался съ мятежниками на улицахъ Московскихъ и прогналъ ихъ въ Кремль. Онъ храбро защищалъ свое укрѣпленіе у Срѣтенскихъ воротъ, гдѣ нынѣ церковь Введенія и былъ очень тяжело раненъ. Больной, онъ былъ превезенъ въ Троицкій монастырь а оттуда отправился въ свою деревню, близь Нижняго Новгорода. Въ эту деревню поспѣшилъ Мининъ къ больному Князю, здѣсь онъ описалъ Пожарскому бѣдственное состояніе отечества и умолялъ Князя именемъ всей Русской земли принять начальство надъ ополченіемъ Нижегородскимъ. Мининъ такъ краснорѣчиво и убѣдительно просилъ объ

этомъ Князя Пожарскаго, что онъ позабылъ свои раны, и согласился. И Мининъ и Пожарскій сказали въ одинъ голосъ: "не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ!" А Князь Пожарскій продолжалъ: мужаемся и укрѣпимся, за людей нашихъ и за города Бога нашего, и Господъ сотворитъ благое предъ очами своими! Вскорѣ послѣ Минина къ Пожарскому прибыли Архимандритъ Ѳеодосій и знаменитые Граждане Нижегородскіе. Они сказали Князю: "Стань за православную вѣру и за Московское Государство!" Князь Пожарскій слушая ихъ и любя отечество, плакалъ, обнималъ пришедшихъ и обѣщалъ не щадить жизни!

Вѣсть о возстаніи Нижегородцевъ быстро разнеслась по всему государству. Князь Пожарскій явился въ Нижній Новгородъ, и оттуда вмѣстѣ съ Мининымъ онъ началъ писать и разсылать грамоты во всѣ города Русскіе. „Въ наше безгосударное время," писали въ своихъ грамотахъ Мининъ и Пожарскій, «отдали мы свои души Богу,— идите принять вѣнецъ нетлѣнный и спасти отечество!» на этотъ призывъ вооружились

жители Смоленска, Коломны, Рязани, Балахны, Юрьева, Кинешмы, Костромы, Плеса и Суздаля. Сборнымъ мѣстомъ войскамъ былъ назначенъ городъ Ярославль. Между тѣмъ какъ въ Нижнемъ Новгородѣ, собиралось и вооружалось народное ополченіе, на защиту и освобожденіе царства Русскаго, изъ Ярославля получено было извѣстіе, что Заруцкій шлетъ отряды Козаковъ— взять городъ и не дать соединиться Нижегородскимъ войскамъ съ Ярославскими. Пожарскій немедленно послалъ къ Ярославлю отрядъ войска и помѣшалъ Заруцкому. Послѣ этого Мининъ и Пожарскій, надѣясь на помощь Божію, съ войскомъ своимъ выступили въ походъ. На дорогѣ къ нимъ присоединялись другіе ополченія и охотники, и всѣ они становились подъ знамена Князя Пожарскаго. У всѣхъ было одно свободное и искреннее желаніе спасти гибнувшее отечество.

Прибывши въ Ярославль, Пожарскій узналъ, что въ войскомъ стоящихъ подъ Москвою происходятъ безпорядки, и Заруцкій

съ козаками производятъ разбой. Пожарскій послалъ новые грамоты въ разныя города, и просилъ всѣхъ о помощи. Онъ написалъ также и въ Новгородъ, къ Митрополиту, Боярину Одовскому и къ Шведскому военачальнику Делагардію, прося ихъ соединиться на помощь Россіи и прогнать Поляковъ. Въ это же время, Князь Трубецкой стоявшій съ войскомъ подъ Москвою, писалъ къ Троицкому Архимандриту Діонисію и Палицыну, чтобы они убѣдили Пожарскаго скорѣе идти съ ополченіемъ къ Москвѣ. Заруцкій зная о большомъ ополченіи, которое собиралъ Пожарскій, и считая его врагомъ своимъ, послалъ въ Ярославль убійцъ умертвить Князя Пожарскаго; посланные убійцы пришли въ Ярославль и только ждали удобнаго случая. Однажды Князь Пожарскій дѣлалъ смотръ одному отряду отправлявшемуся къ Москвѣ. Убійца, пробравшись сквозь тѣснившійся народъ, кинулся на Князя съ ножемъ, но промахнулся и попалъ въ товарища своего, который въ это время занялъ Князя раз-

говоромъ и держалъ его за руки. Это злодѣйское покушеніе ужаснуло весь народъ. Убійца былъ схваченъ и допрошенъ. Отъ него узнали весь умыселъ Заруцкаго и народъ хотѣлъ разорвать убійцу. Но добрый и великодушный Князь Пожарскій запретилъ это народу и спасъ жизнь своему убійцѣ. Наконецъ слыша неотступныя просьбы Трубецкаго о помощи, Авраамій Палицынъ самъ прибылъ въ Ярославль. Онъ именемъ Бога и отечества умолялъ Князя Пожарскаго и Минина немедленно выступить въ походъ и не смотрѣть на споры Воеводъ и войска, стоявшихъ подъ Москвою. Добродѣтельный Авраамій убѣдилъ Минина и Князя. Войску приказано было готовиться къ походу. Князь Пожарскій прежде всего послалъ къ Москвѣ два отряда. Первому подъ начальствомъ воеводъ Дмитріева и Левашева онъ велѣлъ сдѣлать укрѣпленіе у Петровскихъ воротъ, а другому подъ Командой брата своего Князя Пожарскаго и Самсонова стать у тверскихъ воротъ. Вскорѣ выступилъ въ

походъ и самъ Князь Пожарскій. Онъ поручилъ Минину и Князю Хованскому вести войска, и самъ съ небольшимъ отрядомъ отправился въ Суздаль, чтобы тамъ, на родовомъ кладбищѣ, на гробахъ родителей своихъ помолиться Богу и укрѣпить душу свою на предстоящее великое дѣло. Помолившись Господу Князь Пожарскій выѣхалъ изъ Суздаля и догналъ большое войско свое въ Ростовѣ; 1-го Августа 1612 года все войско съ Мининымъ и Пожарскимъ пришло къ Троицкой Лаврѣ. Оставалось шестьдесятъ верстъ до Москвы, но здѣсь, въ войскѣ послышался ропотъ. Одни съ охотою шли въ Москву, а другіе отговаривали и не хотѣли продолжать похода. Они говорили, что Козаки могутъ убить Князя Пожарскаго также, какъ убили Ляпунова. Въ это время пришла вѣсть, что изъ Москвы убѣжали Заруцкій, съ Мариной и сыномъ, и по дорогамъ грабилъ и раззорялъ жителей. И пока Трубецкой спорилъ съ Княземъ Пожарскимъ и первенствѣ власти, опасность Россіи увеличи-

лась. Гетманъ Хоткевичь приближался къ Москвѣ, чтобы занять ее во время несогласій, безначалія и раздора: Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій стали увѣщевать войско прекратить ропотъ въ такое трудное время. Наконецъ войско согласилось положившись на волю Провидѣнія. 18 Августа выстроились въ походъ дружины Минина и Пожарскаго. Запѣли напутственное молебствіе; вожди и войско преклонивъ колѣна со слезами молились преподобному Сергію спасти Россію. По окончаніи молебна, войско двинулось стройными рядами. Діонисій, Палицынъ и всѣ иноки Троицкой обители вышли проводить ополченіе. Съ образомъ Троицы, съ крестами, хоругвями и другими иконами духовенство стояло на горѣ Волкушѣ и окропляло святою водою проходившія ряды большаго воинства. Войско было хорошее и шло бодро. Знамена воинскіе весело развѣвались надъ сомкнутыми дружинами. «Съ нами Богъ и святый Сергій помощникъ нашъ!» восклицали воины проходя мимо

иконъ и крестовъ и удаляясь изъ виду Лавры по дорогѣ къ Москвѣ.

19 Августа войско, подъ начальствомъ Минина и Пожарскаго не дошло за нѣсколько верстъ до Москвы и остановилось у рѣки Яузы, а на другой день съ восходомъ солнца, Князь Пожарскій повелъ его къ самой Москвѣ. Въ то время подъ Москвою стоялъ съ своимъ войскомъ и Князь Трубецкой. Въ Замоскворѣчьи стояли эти полки его, составленные изъ буйныхъ козаковъ, которые пришли къ Москвѣ не столько защищать ее, сколько грабить. Они были не лучше Поляковъ а унять ихъ было невозможно и они мятежничали и злодѣйствовали числясь въ войскѣ Князя Трубецкаго. Трубецкой встрѣтилъ Мичина и Пожарскаго съ войскомъ, съ радостію; но искренности не оказалось между ними съ самаго начала. Пожарскій не хотѣлъ соединиться съ Трубецкимъ, у котораго войско привыкло къ своеволію и безчинству, а разставилъ свои войска по Арбату, у Пречистенскихъ воротъ и за стѣною Бѣ-

лаго города. На другой день услыхали, что и Гетманъ Хоткевичь также шелъ къ Москвѣ по Смоленской дорогѣ и наконецъ остановился на Поклонной горѣ и на слѣдующій же день подвинулся къ Воробьевымъ горамъ.

Настало 22 Августа. Гетманъ Хоткевичь старался напасть на дружины Князя Пожарскаго и какъ будто оставлялъ безъ вниманія полки Князя Трубецкаго. Поляки переправились подъ Дѣвичьимъ Монастыремъ, и конница ихъ разсѣялась по Дѣвичьему полю. Загремѣла вѣстовая пушка..... Вслѣдъ за нею послышались со всѣхъ сторонъ громовые выстрѣлы изъ пушекъ, полетѣли ядра и въ скоромъ времени загорѣлся жестокій бой..... Поляки съ ожесточеніемъ напали на Русскихъ и завязалась битва отчаянная упорная и кровопролитная. Въ это же самое время была сдѣлана Поляками вылазка изъ Кремля. Поляки и свѣжіе полки Хоткевича напали на Нижегородское ополченіе со всѣхъ сторонъ съ ужасною храбростію. Войска По-

жарскаго дрогнули, стали утомляться и ослабѣвать. Князь Пожарскій съ горестію замѣтилъ это и немедленно приказалъ спѣшиться всей конницѣ и дружно броситься на непріятелей. Между тѣмъ, какъ ополченіе Минина и Пожарскаго надрывалось въ тяжелыхъ и кровавыхъ трудахъ битвы, Трубецкой съ своими полками не двигался на помощь. Онъ видѣлъ, какъ Нижегородское ополченіе слабѣетъ передъ численностію и превосходствомъ Поляковъ, но не хотѣлъ помочь своимъ братьямъ; солдаты его войска говорили съ насмѣшкою про Нижегородцевъ: „богаты изъ Ярославля пришли; сами отстоятся"! Видно было, что между стоявшими въ Москвѣ полками Трубецкаго и вновь пришедшимъ войскомъ Минина и Пожарскаго, были не только несогласіе но и какая то вражда и ненависть. Князь Пожарскій еще до битвы посылалъ къ Трубецкому отрядъ отборнаго войска на случай помощи Пожарскій такъ и думалъ, что Трубецкой и этотъ отрядъ ударятъ во время битвы въ бокъ непріятеля;

но Трубецкой не вмѣшивался въ битву самъ, и не пускалъ на помощь храбраго отряда. Этотъ отрядъ храбрыхъ ополченцевъ, пришедшихъ съ Мининымъ и Пожарскимъ, скучалъ безъ битвы, въ то время, когда его товарищи по ополченію проливали кровь свою и ослабѣвали. Онъ просился у Трубецкаго пустить его на помощь, но его не пускали. У этой храброй дружины въ 500 человѣкъ рвалось сердце на выручку погибавшихъ товарищей; имъ не хотѣлось больше терпѣть и ждать позволенія. Въ этомъ геройскомъ отрядѣ были также и храбрые Козаки.

Между тѣмъ Поляки все больше тѣснили войско Пожарскаго. Они уже стали обходить Пожарскаго и совершенно смяли отрядъ его у Тверскихъ воротъ. Старшины тѣхъ самыхъ козаковъ которыхъ Пожарскій послалъ въ отрядѣ къ Трубецкому, теперь уже ясно видѣли, въ какой опасности были войска Пожарскаго. Они видѣли, какъ ополченіе дрогнуло и смѣша-

лось—и не хотѣли уже больше ждать согласія пустить ихъ.

Они рѣшились подать помощь Пожарскому и самовольно кинулись въ кипѣвшую битву. На дорогѣ они опрокинули нѣсколько пѣхотныхъ Польскихъ полковъ, и врѣзались въ самую середину полковъ непріятельскихъ. Эти храбрые и добрые старшины были казацкіе атаманы: Межакокъ, Коломна, Романовъ и Козловъ. Передъ тѣмъ, какъ они рѣшились броситься въ бой на помощь Пожарскому, напрасно ихъ останавливали и уговаривали Трубецкой и другіе. «Нѣтъ! отвѣчали имъ атаманы, отъ вашей между собою нелюбви и вражды, приходитъ погибель войску!» и говоря это они поскакали на помощь къ ослабѣвшимъ дружинамъ и врѣзались въ ряды Поляковъ. За этими храбрыми атаманами, которые съ такою храбростію бросились пролить свою кровь за отечество, увлеченные ихъ примѣромъ, бросились и другіе охотники изъ войска Князя Трубецкаго.

Ослабѣвавшее и растроенное войско

Пожарскаго, получивъ подкрѣпленіе и помощь въ такія трудныя минуты, тотчасъ оправилось и ободрилось. Оно съ новымъ мужествомъ и храбростію бросилось на непріятеля. Поляки не ожидавшіе этаго, дрогнули, смѣшались и побѣжали. Побѣда склонилась на сторону Пожарскаго. Гетманъ Хоткевичь въ безпорядкѣ отступилъ за Москву рѣку и сталъ у Поклонной горы. Наступившая ночь прекратила битву, и доставила побѣду Пожарскому. Но безпечность и вражда къ новому войску Князя Трубецкаго приносила большой вредъ. Онъ не помогалъ Пожарскому, а только мѣшалъ ему. И войско Трубецкаго было безпечно и какъ будто враждовало на пришедшее Нижегородское ополченіе. Этого мало, оно при помощи измѣнниковъ даже пропустило въ кремль 600 Польскихъ всадниковъ, гдѣ засѣли Поляки. Между тѣмъ какъ была вражда между обоими лагерями, Хоткевиль собирался сдѣлать новое нападеніе на Русскихъ. Онъ шелъ съ Поляками по берегу Москвы рѣки и перехо-

дилъ на Калужскую и Серпуховскія дороги съ большими обозами запасовъ. Онъ собирался сбить лагерь Трубецкаго и открыть сообщеніе съ Поляками засѣвшими въ Кремлѣ, которые крайне нуждались въ припасахъ. Настала 23 Августа. Въ этотъ день и Русскіе готовились къ новой битвѣ. Теперь надобно было забыть всякую вражду и несогласіе. Всѣмъ Русскимъ угрожало нападеніе отъ Поляковъ. Въ виду этой общей опасности вожди Пожарской и Трубецкой занялись разстановкой своихъ войскъ. Отъ Донскаго Монастыря на скорую руку былъ насыпанъ земляной валъ, и здѣсь спала конница Трубецкаго. Дорога къ Кремлю была усѣяна также отрядами войска и устроены по ней крѣпости. Первая такая крѣпость была сдѣлана на Ордынкѣ, у Церкви Св. Екатерины Мученицы. Вторая крѣпость помѣщалась на Пятницкой у Церкви Св. Климента и третья крѣпость была сооружена на берегу Москвы рѣки у Церкви Св. Георгія въ Яндовахъ. Отъ Пятницкой до Москвы рѣки стояла конница Князя По-

жарскаго; самъ Пожарскій командовалъ пѣхотою и стоялъ у рѣки. Въ Малыхъ Лужникахъ до Ордынки стояла пѣхота Князя Трубецкаго. 24 Августа непріятель выступилъ изъ Китая-Города. Они перешли чрезъ Москву рѣку, бросились на крѣпость въ Яндовахъ и заняли ее. Въ это же время изъ за Донскаго Монастыря вышелъ съ войскомъ Гетманъ Хоткевичь. Раздались выстрѣлы изъ пушекъ и битва закипѣла. Польское войско также было раздѣлено на два крыла. Подъ начальствомъ опытныхъ вождей оно съ ожесточеніемъ бросилось на Русскихъ и ихъ слабые наскоро построенныя укрѣпленія. Началась битва кровавая и упорная. Самъ Князь Пожарскій сражался на ряду съ другими какъ простой ополченецъ. Онъ неустрашимо бросался въ битву и защищалъ свои дружины. Но конница Трубецкаго не выдержала нападенія Польской конницы. Тогда Князь Пожарскій подавая примѣръ мужества и храбрости предводительствуя пѣхотою бросился на Поляковъ. Войско его воодушевилось и погнало

наступавшихъ Поляковъ. Тогда видя упорство Русскихъ и Хоткевичь также самъ повелъ противъ нихъ свою пѣхоту. Битва была хотя и рукопашная, но смертельная и жестокая. Всѣ дрались съ отчаяніемъ и ни одна сторона не уступала другой. Поляки стѣснили со всѣхъ сторонъ укрѣпленіе на Пятницкой и заставили Русскихъ, защищавшихъ ее броситься въ бѣгство. Наконецъ Поляки ворвались въ крѣпость и заняли ее. Русскіе стыдясь своего бѣгства воротились и битва снова сдѣлалась безпорядочнымъ побоищемъ. Отъ этой битвы зависѣла участь не только Москвы но и всей Россіи! Русскіе сражались за все государство! Между тѣмъ Хоткевичь укрѣплялся на Ордынкѣ; обозы съ запасами старались Поляки провести въ Кремль. Эти обозы только мѣшали Русскимъ и производили въ битвѣ безпорядокъ. Но хотя Князь Пожарскій и выдержалъ первый натискъ, но войско Трубецкаго отступало отъ Пятницкой и не желая сражаться болѣе спѣшило переправиться за Москву рѣку. . . . .

Князь Пожарскій видѣлъ это отступленіе, и былъ въ отчаяніи. Онъ послалъ гонцовъ въ главную ставку свою, чтобы поскорѣй выводили послѣднія войска его. Эта главная ставка была на горѣ, у Церкви Св. Иліи Обыденнаго. Здѣсь въ этой ставкѣ собралось духовенство и былъ келарь троицкой Лавры Авраамій. На аналояхъ стояли образа Св. Троицы, Богоматери Св. Сергія и Никона. Духовенство не умолкая пѣло молебны; всѣ молились со слезами за Россію и по временамъ съ трепетомъ смотрѣли на обширное Замоскворѣчье, гдѣ рѣшалась въ это время участь земли Русской, и братья Русскіе охотно проливали кровь за отечество. Тамъ среди обширныхъ пустырей еще стояло нѣсколько отрядовъ Трубецкаго, а тамъ Пожарскій отбивалъ непріятелей отъ Москвы рѣки и не пропускалъ непріятельскихъ обозовъ къ Кремлю, къ засѣвшимъ Полякамъ.

А тамъ непріятель у Крымскаго брода ставилъ свой сильный отрядъ и вездѣ оттѣ-

снялъ Русскихъ. Войско Трубецкаго было совершенно сбито и переходило за Москву рѣку къ Таганкѣ. Сраженіе было выгоднѣе Полякамъ и безнадежнѣе Русскимъ. Но надъ всѣмъ замоскворѣчьемъ носился дымъ и сквозь дымъ и пылъ отчаянной битвы видно было, какъ сражавшіеся то скрывались, то появлялись снова. Князь Пожарскій послалъ въ свою главную ставку Князя Пожарскаго—Лопату и приказалъ немедленно выдвинуть послѣднее войско. Посланный Князь прискакалъ въ ставку и увидѣвъ Авраамія сказалъ ему, что его зоветъ къ себѣ Князь Пожарскій. Добродѣтельный Авраамій не устрашился идти въ пылъ битвы, и въ сопровожденіи, воиновъ немедленно поспѣшилъ къ изнемогавшему Полководцу Русскихъ. Онъ прибылъ въ самую битву, и увидѣлъ какъ Князь Пожарскій и Мининъ стояли середи самаго жаркаго и жестокаго боя. Князь Пожарскій увидѣвъ старца закричалъ ему: "отецъ Авраамій! погибаемъ! смотри: Трубецкой отступаетъ! Ради Бога, иди къ нему и

проси, чтобы войско его вспомнило страхъ Божій и клятву свою!„ Авраамій забылъ старость свою и не страшась смерти поспѣшилъ къ смятеннымъ толпамъ Князя Трубецкаго. Это разсѣянное и смятое войско едва держалось на Пятницкой. Авраамій увидѣлъ нестройныя толпы, готовившеся бѣжать съ мѣста битвы, и воскликнулъ къ нимъ: «Дѣти! Люди православные! люди Русскіе! Остановитеся! Не вы ли начали дѣло доброе, не вы ли первые пришли къ Москвѣ, стали за отчизну, стали за вѣру православную, терпѣли раны, голодъ, наготу, и прослыли въ другихъ земляхъ своею храбростію и мужествомъ? Братья! Теперь ли хотите погубить свои добрыя начинанія?» Слезы прерывали слова старца. Тогда мятежные толпы остановились; многіе изъ нихъ также заплакали и клялись тутъ же, что готовы умереть и не возвратятся безъ побѣды. Тогда Авраамій сказалъ имъ: «братья! восклицайте: Сергій! и вы увидите славу Божію!» услышавъ это, умиленные и воодушевленные воины съ крикомъ: Сергій!

Сергій! быстро бросились на непріятелей. Авраамій отправился дальше. На берегу Москвы рѣки, въ Садовникахъ онъ встрѣтилъ еще большую толпу войска. Слова старца и слезы его воодушевили воиновъ. Они всѣ воскликнули въ одинъ голосъ: «братья! поспѣшимъ пострадать за имя Божіе и православную вѣру!» и съ этимъ крикомъ поспѣшно кинулись въ новую битву. Въ это время толпы войска, стоявшія за Москвою рѣкою на горѣ у Церкви св. Никиты, услыша громкія крики: Сергій! Сергій! бросились за своими товарищами, и недожидаясь Авраамія поспѣшили вплавь черезъ рѣку въ битву. Авраамій съ радостію глядѣлъ на мужественное и общее наступленіе Русскихъ, онъ видѣлъ, какъ войско Русское ободрилось и съ отвагою бросилось на враговъ и воскицалъ съ восторгомъ имя св. Сергія. Это же имя св. Сергія гремѣло ему во отвѣтъ со всѣхъ сторонъ. Авраамій продолжалъ путь свой и едва не смятый на лавахъ, устроенныхъ черезъ рѣку, перешелъ черезъ нее въ самый лагерь Князя

Трубецкаго. Тамъ было множество воиновъ, убѣжавшихъ съ битвы, гдѣ умирали Русскіе.

Этѣ нестройные толпы разсѣялись по всему лагерю и позабыли про защиту Москвы. Одни отдыхали, другіе пѣли а третіи играли въ зернь. При видѣ добраго старца заботившагося о спасеніи Россіи, этѣ нестройные толпы встрепенулись и почувствовали упрекъ своей совѣсти. Ударили въ набатъ; лагерь воодушевился воины вскочили и крики Сергій! разнеслись и раздались со всѣхъ сторонъ. Всѣ съ новыми силами бросились въ битву. Начался бой новый отчаянный и рѣшительный. Непріятели Поляки видя новую храбрость и сильный, быстрый, безпощадный натискъ Русскихъ, не могли устоять. Гетманъ Хоткевичь не уступалъ было поле битвы, былъ примѣромъ своему войску— но Мининъ рѣшилъ побѣду. Во всю битву, онъ стоялъ возлѣ Князя Пожарскаго и сражался неутомимо. Увидѣвъ, что войска Трубецкаго собрались снова и бѣгутъ на

помощь поражая непріятелей, Мининъ сталъ просить Князя Пожарскаго дать ему отдѣльный отрядъ войска; «—бери кого хочешь!» отвѣчалъ Минину Пожарскій. Мининъ выбралъ себѣ три конныя дворянскія роты съ Ротмистромъ Хмѣлевскимъ, перешелъ съ ними за Москву рѣку, и съ Остоженки ударилъ быстро на Крымскій бродъ. Непріятель думалъ, что къ Русскимъ пришла новая помощь смѣшался и побѣжалъ. Среди смятенія Поляковъ, сквозь дымъ и страшную битву, оглушаемый пальбою, Мининъ устремился на Поляковъ отъ Крымскаго брода, Князь Трубецкой отъ Таганки, а Князь Пожарскій отъ Кремля и съ криками. Сергій! все войско Русское погнало, поражая, непріятелей. Поляки падали или бѣжали отъ Русскихъ Хоткевичь ускакалъ и велѣлъ остальному разсѣянному войску собираться на Воробьевыхъ горахъ. Пушки, обозы, знамена и плѣнные Поляки достались побѣдителямъ Русскимъ. Войско Русское не смотря на наступавшую ночь, хотѣло гнаться за бѣжавшими непріятелями,

но Князь Пожарскій отвѣчалъ: «въ одинъ день не бываетъ двухъ радостей!» остановилъ храбрыхъ и приказалъ палить изъ пушекъ въ знакъ торжественной побѣды. Гетманъ слыша пальбу Русскихъ, побоялся новаго нападенія на свое войско и въ ночь побѣжалъ по Смоленской дорогѣ, съ остатками своихъ Поляковъ. Поляки оставались въ Китаѣ городѣ и въ самомъ Кремлѣ. Надобно было осадить ихъ и принудить къ сдачѣ. Тогда Моска была бы вполнѣ освобождена отъ долго томившихъ ее непріятелей. Но засѣвшіе въ Кремлѣ Поляки, хотя ихъ и томилъ голодъ и недостатки, не спѣшили сдаваться. Они знали о побѣдѣ Русскихъ, но надѣялись на помощь Короля Сигизмунда. Въ это время и въ станѣ Русскихъ произошло было новое несогласіе между Князьями Трубецкимъ и Пожарскимъ, но незабвенный Авраамій помирилъ ихъ, и согласіе, нужное Россіи въ такое трудное время, было возстановлено. Между тѣмъ, и въ самомъ дѣлѣ разнесся слухъ, что Король Сигизмундъ идетъ съ войсками

къ Москвѣ на помощь осажденнымъ Полякамъ. Услыша это, Русскіе вожди приняли мѣры предосторожности. По ихъ приказанію войска приступили къ немедленной работѣ. Въ скоромъ времени былъ выкопанъ большой ровъ, и сдѣланъ плетень вокругъ Москвы и по берегамъ рѣки.

Поляки осожденные въ Кремлѣ, стали чувствовать сильный голодъ. Не имѣя припасовъ, они питались всякою падалью и даже ѣли человѣческіе трупы; но упорно переносили и голодъ и страданія и защищались.

Наконецъ Русскіе взяли приступомъ Китай городъ, и Поляки, отдавая его Русскимъ убѣжали въ Кремль и тамъ, увеличили собою только тѣсноту и голодъ. Всѣмъ Полякамъ грозила въ Кремлѣ смерть. Въ то время Польскимъ начальникомъ въ Кремлѣ былъ Струсь. Онъ приказалъ осажденнымъ и плѣннымъ Русскимъ Боярамъ, бывшимъ въ Кремлѣ, чтобы они разстались съ своими женами и выпустили ихъ въ

Русскій лагерь. Этимъ средствомъ хотѣли уменьшить голодъ, и Поляки хотѣли держаться въ Кремлѣ. Осажденные долго не знали куда выпустить женщинъ, наконецъ рѣшились отправить ихъ въ лагерь Минина и Пожарскаго. Они послали къ нимъ прошеніе и просили Русскихъ защитить женъ ихъ и сохранить ихъ отъ позора. Пожарскій, какъ великодушный полководецъ и побѣдитель, обѣщалъ имъ милость и защиту. Когда женщины прибыли въ лагерь, онъ ласково принялъ женъ боярскихъ и другихъ и назначилъ имъ хорошее содержаніе. Но осажденные Поляки не получили пользы, что прогнали женщинъ. Голодъ и крайняя нужда во всемъ увеличивались. Многіе Поляки начали думать о сдачѣ Кремля Русскимъ.

Составился совѣтъ, на которомъ рѣшено было сдаться Князю Пожарскому и просить его о пощадѣ. Но буйные козаки Князя Трубецкаго узнавши, что Поляки хотятъ сдаться, рѣшились напасть на полки

Князя Пожарскаго. Но благоразумный Князь Пожарскій укротилъ бунтъ. Согласіе возобновилось въ обоихъ войскахъ и съ обѣихъ сторонъ ждали сдачи Поляковъ.

Наконецъ 21 Октября вышли изъ Кремля выпущенные плѣнные Бояре. Они съ радостію спѣшили въ лагерь Русскихъ братьевъ и Князь Пожарскій принялъ ихъ честію. А 22 Октября, съ восходомъ солнечнымъ и Поляки вышли двумя полками изъ Кремля и сдались Русскимъ. Несчастные Поляки были блѣдны, изнурены голодомъ и походили на мертвыхъ. Часть сдававшихся Поляковъ подъ командою Пана Будилы сдалась Князю Пожарскому и была встрѣчена имъ съ человѣколюбіемъ. Позабыто было, что они еще наканунѣ были врагами Россіи; имъ дано было всякое облегченіе. Но другая часть Поляковъ подъ командою Струса сдалась войску Князя Трубецкаго; буйные казаки бросились на нихъ, многихъ ограбили, пока эта безсовѣстная измѣна не была прекращена вмѣшательствомъ чест-

ныхъ людей Русскаго войска. Торжествуя очищеніе Кремля и освобожденіе Москвы отъ непріятелей, войско Князя Пожарскаго приготовилось торжественно вступить въ Кремль. Впереди шло духовенство, Троицкой Лавры Архимандритъ Діонисій, Келарь Авраамій и другіе, а за ними стройными рядами, съ распущенными знаменами, съ радостными кликами побѣды, пошло войско и все это торжественное шествіе вступило въ Спасскія ворота въ Кремль, Впереди Нижегородскаго ополченія ѣхалъ виновникъ торжества побѣды и радостей Князь Пожарскій. Въ его свѣтлыхъ и ясныхъ голубыхъ глазахъ засіяла истинная радость, когда онъ величественно сидя на красивомъ конѣ, увидѣлъ освобожденныя имъ и его войскомъ древнія Кремлевскія стѣны и святыню Россіи, Соборы Московскіе. По правую сторону его ѣхалъ Князь Черкасскій, а по лѣвую Гражданинъ Козьма Миничь, Князь Пожарскій-Лопата, Бояринъ Мансуровъ и другіе Бояре и вожди Русскіе. На лицахъ побѣдителей Поляковъ и освободителей Цар-

ства Русскаго была видна непритворная радость, что они исполнили долгъ свой и сдержали клятву освободить любезное отечество. У самыхъ Спасскихъ воротъ все это торжественное шествіе было встрѣчено Епископомъ Авраамiемъ съ иконою Владимірской Божіей Матери. За войскомъ тянувшимся въ Кремль, шли безчисленныя толпы Русскаго народа. Эти толпы шли съ непокрытыми головами и со слезами восторга радости и счастія. Наступили дни веселые.

Священный Кремль наполнился народомъ. Раздался благовѣстъ на Ивановской колокольнѣ; народъ заволновался и началъ набожно креститься отзываясь, душею на этотъ родной звукъ, призывавшій молиться.... Каждый звукъ колокола говорилъ: "прошли дни бѣдствія, настали дни радости!„ Нижегородское ополченіе построилось вокругъ царскихъ теремовъ. Духовенство, князья, Воеводы, Бояре и граждане вошли въ Успенскій Соборъ. Тамъ передъ древнею святынею и мощами св. Угодниковъ Божіихъ началось благодарственное молебст-

віе. Раздалось торжественно "Тебе Бога хвалимъ!„ Русскіе преклонивъ колѣна молились усердно. Москва ликовала.

Но спокойствіе въ цѣлой Россіи еще не наступило. Король Сигизмундъ, надѣясь что Москву еще занимаютъ Поляки, шелъ съ войскомъ. Князь Пожарскій разослалъ грамоты въ разные города Россіи и извѣщалъ ихъ о новой опасности. Сигизмундъ уже подошелъ къ Волоколамску но встрѣтивъ отчаянное сопротивленіе послалъ часть своего войска къ Москвѣ поручивъ начальство Гетману Жолкевскому Русскіе встрѣтили и разбили это войско. Къ побѣдѣ Русскихъ присоединилась суровая морозная зима и голодъ, которые устрашили Поляковъ и заставили Сигизмунда съ войскомъ бѣжать изъ Россіи. Другой непріятель Россіи Шведскій Король также тревожилъ Россію, желая пріобрѣсти область Нижегородскую, и наконецъ Заруцкій не перестававшій тревожить и волновать Государство. Но воевода Бутурлинъ разбилъ Заруцка-

го и принудилъ его убѣжать съ Мариною въ Украйну. Освободясь по немногу отъ непріятелей, Россія чувствовала самую важную нужду въ избраніи Царя и Государя. Она помнила сколько бѣдъ пережила во времена междуцарствія. Она знала, что Государство только тогда твердо, когда надъ нимъ бодрствуетъ законный и любимый Царь, къ которому стремятся всѣ умы и сердца. Народъ Русскій требовалъ себѣ Государя. По всему Государству были разосланы грамоты, въ которыхъ изъ всѣхъ городовъ Русскихъ призывались знатное духовенство и Бояре на совѣтъ. Собрались избранные со всей земли Русской. Принесли молитвы Господу и послѣ всеобщаго трехдневнаго поста и молитвы, приступили къ избранію Царя. На совѣтѣ было положено, чтобы вѣнецъ Мономаховъ не возлагать на голову иноплеменника; но непремѣнно на голову Русскаго. Избраніе продолжалось. Много Бояръ происками искали себѣ Русскаго Царства. Многіе изъ любви и благодарности предлагали Пре-

столъ Князю Пожарскому, но великодушный Князь отрекся отъ престола и вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ Авраамiемъ указалъ царя Россiи,—юнаго Михаила Феодоровича Романова, потому что онъ былъ близкiй потомокъ Рюрика. Эта мысль пришлась по сердцу всѣмъ Русскимъ. Θеодоръ сынъ царя Iоанна Грознаго, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ престолъ Русскiй Θеодору Никитину Романову, какъ ближайшему своему родственнику. Но Борисъ Годуновъ присвоилъ себѣ власть царскую, и Θеодора Никитича съ супругою насильно постригъ въ монашество. Нареченный Филаретомъ, Θедоръ Никитичь Романовъ былъ сосланъ въ Сейскiй Монастырь Архангельской Губернiи, а супруга его нареченная въ монашествѣ Марθою, сослана съ шестилѣтнимъ сыномъ своимъ Михаиломъ на ту сторону озера Онеги, подъ присмотръ священника Ключарева. Въ 1605 году Годуновъ облегчилъ участь Романовыхъ: Филаретъ былъ посвященъ въ Архимандриты и въ царствованiе Шуй-

скаго былъ уже Митрополитомъ Ростовскимъ, а супругѣ его монахинѣ, съ сыномъ, Годуновъ перемѣнилъ жительство и назначилъ имъ поселиться въ Ипатіевскомъ монастырѣ Костромской Губерній

21 Февраля 1613, вокругъ Лобнаго мѣста въ Москвѣ собралось множество народа. Вскорѣ прибыли Князья и Бояре; на Лобномъ мѣстѣ, происходило торжественное избраніе Русскаго Царя. Слова Князя Пожарскаго, указавшаго на Михаила Романова, повторялъ весь народъ. Всѣ единодушно закричали: Михаилъ да будетъ Царемъ нашимъ! Во всю ночь дня избранія Царскаго, въ соборахъ Кремлевскихъ служились молебны и молился народъ. Бояре написали грамоты во всѣ города Россіи и извѣщали Государство объ избраніи Михаила Феодоровича Романова Царемъ Россіи. Къ шестьнадцатилѣтнему Михаилу и матери его было послано посольство, торжественно объявить ему объ избраніи на Царство. Отправились Архіе-

пископъ Рязанскій Өеодоритъ, Авраамій Палицынъ, Бояринъ Өеодоръ Шереметевъ и многіе другіе. Но злобные Поляки и Литовцы, раззорявшіе Россію узнавъ объ избраніи юнаго Михаила, рѣшились погубить его. Они послали отрядъ въ Костромской уѣздъ, въ которомъ жилъ тогда съ матерью юный избранникъ. Время было ненастное, и холодъ Убійцы къ вечеру приблизились къ селу Домнину, гдѣ жилъ въ то время Михаилъ, и недалеко отъ села встрѣтили крестьянина Ивана Сусанина. Спросивъ его откуда онъ, и узнавъ, что онъ изъ ближней деревни, и что ему извѣстна дорога къ барскому помѣстью, убійцы приказали ему проводить ихъ къ Михаилу. Сусанинъ угадалъ ихъ умыселъ и согласился. Онъ повелъ Поляковъ въ другую сторону, далъ знать Михаилу объ опасности, а самъ будто сбившись съ дороги, завелъ Поляковъ въ густыя лѣса и глубокія снѣга. Въ самой глубинѣ непроходимаго лѣса, Сусанинъ, жертвуя своей жизнію за Царя прямо открылся Полякамъ, что онъ обма-

нулъ ихъ, завелъ ихъ, и отдалилъ отъ Домнина, чтобы спасти юнаго Царя Михаила. Злодѣи убили Сусанина.

Получивъ извѣстіе отъ Сусанина. Михаилъ Θеодоровичъ окрестными дорогами спасся въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ была мать его. Посольство изъ Москвы прибыло въ новое Селище, и оттуда съ крестнымъ ходомъ отправилось въ Ипатіевской Монастырь. Михаилъ и матерь его, ничего не зная, съ христіанскимъ смиреніемъ встрѣтили крестный ходъ и посольство. Посланники съ поклономъ подали Михаилу грамоты и передъ алтаремъ Божіимъ поздравили его Царемъ Россіи. Михаилъ отрекался отъ такой великой чести, но Духовенство и Бояре съ иконами въ рукахъ приблизились къ Михаилу и его Матери, и сказали твердымъ голосомъ: «повинуйтесь волѣ Божіей и Пречистой Его Матери! Эти святыя иконы пришли повѣдать вамъ: не народомъ, а ими избраны вы на великое дѣло!» Тогда мать Михаила упала передъ

иконою Богородицы и указывая на юнаго сына своего, сказала: «Владычице! Буди святая воля Твоя! Въ Твои пречистыя руки предаю чадо мое, наставь его на путь истинный, на благо Себѣ и отечеству!» Вскорѣ послѣ этого вся Россія ликовала избраніе новаго Царя. Вѣнчанный въ Москвѣ на Царство Русское, Михаилъ не забылъ оцѣнить заслуги освободителей отечества отъ Поляковъ и внутреннихъ смутъ. Князь Пожарскій былъ пожалованъ саномъ Боярина, а Мининъ саномъ Думнаго Дворянина. Четыре года Мининъ пользовался милостями царскими и скончался въ Нижнемъ-Новгородѣ. Но благодарное Отечество никогда не забудетъ его!

Но Князь Пожарскій пережилъ славу свою и не переставалъ служить Россіи и въ царствованіе Михаила. Онъ еще разъ разбилъ Поляковъ и преслѣдовалъ войско Лисовскаго. Послѣ этого, когда Сигизмундъ посылалъ въ Россію Владислава съ многочисленнымъ войскомъ, и Владиславъ вторг-

нулся въ Россію, Князь Пожарскій, едва оправясь отъ болѣзни, призванный Царемъ своимъ, явился подъ Калугою, и не разъ разгонялъ войска Поляковъ. Послѣ этого Князь Пожарскій сдѣлался снова болѣнъ въ Серпуховѣ и отправился оттуда на излѣченіе въ Москву въ свой домъ, находившійся въ приходѣ Введенія Божіей Матери на Лубянкѣ, гдѣ теперь стоитъ домъ Бородиной. Онъ скончался въ 1642 году, но неизвѣстно гдѣ покоится прахъ этого знаменитаго героя отечества. Около трехъ вѣковъ прошло съ того незабвеннаго года, когда Мининъ и Пожарскій спасли Россію, но всѣ знаютъ и помнятъ ихъ великія подвиги. И Гражданину Минину и Князю Пожарскому будетъ всегда благодарная Россія!

